

Я помню
ее такой...

Мосей
Матильде
Любовные письма и дневники
Николая Второго

Борис Вадимович Соколов
Моей Матильде. Любовные
письма и дневники
Николая Второго
Серия «Я помню ее такой...»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24876256

Борис Соколов. Моей Матильде. Любовные письма и дневники

Николая Второго: Алгоритм; Москва; 2017

ISBN 978-5-906947-89-5

Аннотация

«Надеюсь, что глазок и ножка поправляются... до сих пор хожу как в чаду. Постараюсь возможно скорее приехать. Ники». *(Николай II)* «Я сознавала, что совершаю что-то, чего я не имею права делать из-за родителей. Но... я обожала Ники, я думала лишь о нем, о моем счастье, хотя бы кратком...» *(Матильда Кшесинская)* Матильда Кшесинская известна широкой публике как талантливая артистка и любимая балерина царского двора. Ее мастерство простиралось далеко за рамки балетного искусства: подчиняясь естественному обаянию этой маленькой полячки, окружающие вливались в

ее магический танец жизни. Александр III, Николай II, великие князья Владимир Александрович, Сергей Михайлович, Андрей Владимирович – все они были очарованы красотой и легкостью, которую буквально излучала Матильда. Она умела нравиться и находить подход к человеку. Для каждого она была разной, всегда оставаясь собой. Какой она запомнилась людям, которые ее любили?

В этой книге собраны дневниковые записи монарших особ, благоволивших Кшесинской, а также их воспоминания, которые помогут разобраться в противоречивой личности великой балерины. Впервые публикуются знаменитые письма и дневниковые записи последнего русского царя Николая II, обращенные к роковой балерине дома.

Содержание

Мои встречи с Наследником	6
Ники и Маля	55
1893 год	55
1894 год	61
1895 год	64
1896 год	65
1899 год	66
1908 год	69
Встреча с тобой – самое светлое воспоминание...	72
1890 год	72
1892 год	74
О госпоже Кшесинской	76
№ 97	76
№ 192	77
Из дневника А.С. Суворина[4]	78
1893 год	78
1900 год	80
1902 год	83
Возлюбленная балерина дома Романовых	85
Конец ознакомительного фрагмента.	99

**Борис Соколов
Моей Матильде.
Любовные письма
и дневники
Николая Второго**

© Б.В. Соколов (составитель), 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Мои встречи с Наследником (Из дневника Матильды Кшесинской¹)

Пятница, 23 марта 1890 г.

Состоялся наш школьный спектакль. У меня был голубой костюм, я надела свои цветы, ландыш, костюм вышел очень изящный.

Наконец приехали Государь и Государыня, Наследник. Все бросились к дверям, и я тоже, но осталась позади всех: мне не хотелось толкаться, я знала, что еще увижу их величеств.

После спектакля вся царская фамилия осталась с нами ужинать. Мы сговорились просить государя сесть за наш стол. Наследник, что-то сказав, сел возле меня. Мне было очень приятно, что Наследник сел возле меня.

Наследник тотчас обратился ко мне и очень меня хвалил. Он меня спросил, кончаю ли я в этом году училище, и когда я ему ответила, что кончаю, он добавил: «И с большим успехом кончаете!». Когда Наследник заговорил с Женой, я незаметно могла его разгляды-

¹ Добровольский А. Интимный дневник Матильды Кшесинской // Московский Комсомолец, 2017. 20, 21, 22, 23, 24 марта

вать. Он очень понравился, и затем я уже разговаривала с ним кокетливее и смелее, не как ученица.

Матильда Феликсовна Кшесинская (1872–1971) – российская артистка балета и педагог, прима-балерина Мариинского театра, заслуженная артистка Его Величества Императорских театров.

«К сожалению, теперь артистки стали забывать в угоду бешеной технике, что техника без души и сердца – мертвое искусство, смотришь и удивляешься, до чего можно дойти, но душе и сердцу это ничего не говорит». (Матильда Кшесинская)

Среда, 4 июля

Первая поездка моя в Красное Село была удачна. Наследник приехал на тройке с казаком. Я была в восторге, что он приехал.

[В балетном отделении концерта] я танцевала польку из «Талисмана». Костюм у меня был цвета сомо и мне к лицу. Скажу откровенно, что перед началом я ужасно боялась, ведь это был мой первый дебют в Красном Селе, но как только я вышла на сцену, страх мой исчез, и танцевала с увлечением. При каждом удобном случае я взглядывала на Наследника.

Наследник и В.А. (великий князь Владимир Александрович – Б. С.) смотрели на меня в бинокль. Итак, первый спектакль был для меня удачен: я имела успех и видела Наследника. Но это только для первого раза достаточно, затем, я знаю хорошо, мне этого

будет мало, я захочу более, такой у меня характер. Я боюсь себя.

Пятница, 6 июля

Я знала, что сегодня была очень интересная, костюм на мне красивый, танцую я изящное и кокетливое *pas de deux*, что все это взятое вместе может произвести приятное впечатление на всех вообще и на Наследника в частности.

Раскланиваясь, я встала в первую кулису против царской ложи. В.А. и Н. навели на меня бинокль, затем немного погодя Наслед. опять навел на меня бинокль и, наконец, в третий раз навел на меня бинокль, когда танцевали последнее *pas*. На этот раз он очень долго смотрел на меня, я смотрела в упор.

Едва занавесь опустилась, как мне стало ужасно грустно. Я пошла в уборную к окну, чтобы еще раз увидеть его. Я его видела, он меня – нет, оттого что я встала к тому окну, которого не видно снизу, если не оглянуться, когда отъезжаешь от царского подъезда. Мне было обидно, я готова была заплакать. Я верно сказала, что с каждым разом я буду хотеть большего.

Вторник, 10 июля

Ложа наша [в красносельском театре] была в бельэтаже на середине, так что прелестно было видно всю

царскую фамилию и в особенности Наследника. В антракте перед балетным дивертисментом я пошла с Юлей (Юлией Кшесинской. – Б. С.) на сцену; у меня было предчувствие, что великие князья придут сегодня на сцену.

Я смотрела на Наследника. Он стоял один в кулисе, ему, по-видимому, было неловко, он немного отошел назад и встал с Георгием (великим князем Георгием Михайловичем. – Авт.).

Я все ближе и ближе подходила к Наследнику, мне ужасно хотелось, чтобы он со мной заговорил, мне отчего-то казалось, что и ему хочется заговорить, но что он не решается, и вот, когда я хотела сделать решительный шаг, ко мне подошел В.А.

Так мне и не пришлось поговорить с Н.

Когда я с Юлей шла в ложу, то мы встретили на лестнице Волкова (одного из сослуживцев наследника по гусарскому полку. – Б. С.). Он мне сообщил, что я очень нравлюсь Наследнику, что он в восхищении от моего *pas de deux*, которое я танцевала последний раз.

Вторник, 17 июля

...Я пошла в свою уборную. Я еще издали [в окно] увидела тройку Наследника, и необъяснимое чувство охватило меня. Наследник приехал с А.М. (великим

князем Александром Михайловичем. – Б. С.), подъезжая, он посмотрел вверх, увидел меня и что-то сказал А.М. Он, вышедши из тройки и поздоровавшись со всеми бывшими на подъезде, встал туда, откуда было видно мое окно, следовательно, и меня. Мне стало понятно, что он встал сюда для меня. Он почти не переставал смотреть на меня, а я на него и подавно.

Я пришла на сцену в антракте.

Наследник был близко меня, он все время на меня смотрел и улыбался. Я смотрела ему в глаза с волнением, не скрывая улыбки удовольствия и минутного блаженства. (...)

Вторник, 21 августа [1891 г.]

Вдруг позвонили. Оказалось, что это был Волков. Пришлось снова одеваться, так как Волков приехал, собственно, ко мне.

Он сказал, что приехал ко мне с поручением, и передал мне карточку (фото Николая. – Б. С.). Затем он сказал, что я должна тотчас дать свою карточку.

Но когда я сказала, что у меня решительно нет карточки, то он сказал, что я должна буду с ним ехать в Петергоф к Наследнику, так как Н. сказал ему, чтобы он привез мою карточку, а если ее у меня нет, то меня.

О, я бы с удовольствием поехала, я так бы хотела его видеть! Несмотря на мое желание, я ответила: «Я

не могу ехать», – и жалею, отчего не сказала «едемте». Тогда Волков стал просить меня, чтобы я ехала за карточкой к Позетти (фотографу. – Б. С.). Относительно карточки он еще сказал, что Н. просит меня сняться в одном из тех костюмов, в которых я танцевала в Красном Селе.

Понедельник, 16 сентября

Разговаривала на репетиции с Таней Н. Она сказала, что Евгений (Волков. – Б. С.) ей говорил, что Н. ни с кем еще не жил и страшно рад, что я обратила на него внимание, тем более что я артистка, и притом хорошенькая. Евгений говорит, что я бы с ним (Николаем. – Авт.) могла повидаться, если бы кто-нибудь нашелся такой, который не побоялся устроить наше свидание.

Суббота, 4 января 1892 г.

Я пошла по коридору 2-го яруса театра. Увидела Наследника и забыла все, что делается вокруг меня. Но как я была безумно счастлива, когда Наследник подошел ко мне и подал мне руку! Я почувствовала его долгое крепкое пожатие руки, ответила тем же и пристально посмотрела ему в глаза, устремленные на меня. Я не в силах описать, что со мной делалось, когда я приехала домой. Я не могла ужинать и, убежав к

себе в комнату, рыдала, и у меня так болело сердце. Первый раз я почувствовала, что это не просто увлечение, как я думала раньше, а что я безумно и глубоко люблю Цесаревича и что никогда не в силах буду его забыть.

Произошло нечто такое, чего я совсем не ожидала. Сегодня днем мне делали маленькую операцию над глазом, и затем я с повязкой поехала кататься.

К вечеру я совсем расхворалась, у меня очень болел глаз, нос и голова. Я даже стала плакать и, чтобы немного успокоиться, я легла; но почти сейчас же раздался звонок. Было 11 часов.

Горничная доложила, что меня спрашивает Евгений Николаевич (Волков, сослуживец Николая по гусарскому полку. – Б. С.), я велела принять, а пока пошла в спальню надеть на глаз повязку. Но каково же было мое удивление, когда я увидела вместо Евгения перед собой Цесаревича! Впрочем, я не особенно растерялась и, поздоровавшись, прежде всего пошла сказать, чтобы никто не приходил ко мне в комнату.

Цесаревич пил у нас чай, был у нас почти до 1 часа ночи, но эти два часа для меня прошли незаметно. Я все время сидела в углу в тени, мне было неловко: я была не совсем одета, т. е. без корсета, да и потом, с подвязанным глазом. Мы без умолку болтали, многое вспоминали, но я от счастья почти все перезабыла.

Цесаревич сказал, чтобы я ему писала письма, он будет писать тоже, и обещал написать первый. Я, признаюсь, не знала, что это можно, и была чрезвычайно обрадована.

Он выбрал несколько моих карточек и просил их ему прислать. Я очень была довольна, когда Цесаревич сказал, что будет нас [с сестрой] называть Юля и Маля, так гораздо проще. Он непременно хотел пройти в спальню, но я его не пустила. Опять приехать к нам он обещал на Пасху, а если удастся, то и раньше.

Перед уходом он вымазал себе руки сажей, и мы дали ему обмыть руки духами. Воображаю, что подумает его Мама, когда он явится к ней надушенный...

Когда Цесаревич уехал, я была как в чадy, я все еще с трудом верила в то, что произошло. Я уже теряла всякую надежду, кажется, приходит конец моему терпению и вдруг... Ах! Как я счастлива! Сегодня ведь первый раз, что я с ним так много говорила, до этого я почти не разговаривала с ним, да и что за разговоры, когда кругом все стоят. И сегодня, когда я его узнала ближе, я очаровалась им еще больше!

Воображаю, как будет поражен мой друг Зедделер (барон Александр Зедделер, будущий муж Юлии Кшесинской. – Б. С.), Танюша и Евгений. С ними я смело могу поделиться своею радостью, они сумеют сохранить все в тайне. Счастливый день, тебя благослов-

ляю!

Николай II Александрович (1868–1918) – Император Всероссийский, Царь Польский и Великий Князь Финляндский.

«Для меня было ясно, что у Наследника не было чего-то, что нужно, чтобы царствовать. Нет, у него был характер, но не было чего-то, чтобы заставить других подчиниться своей воле. Первый его импульс был почти что всегда правильным, но он не умел настаивать на своем и очень часто уступал». (Матильда Кшесинская)

На полях дневника:

Меня очень интересовало, как [Цесаревич] к нам приехал. Он только сказал, что у Мата гости, и он сказал, что поедет к Сергею М. (великому князю Сергею Михайловичу/ – Б. С.) Один городской его даже узнал, но он дал ему на чай и велел молчать.

Четверг, 12 марта

Днем я получила письмо от Цесаревича. Я никак не ожидала получить так скоро. Правда, письмо в несколько строк, но такие милые! Но что меня удивило, это подпись: «Вам преданный Николай».

Суббота, 14 марта

Утром я получила от Наследника письмо, большое!

Я перечитывала его в продолжение дня несколько раз, и каждый раз – с истинным наслаждением. В этом письме Цесаревич предложил мне [перейти] на ты. Боже, как все скоро случилось, точно сон!

Вторник, 17 марта

Кони мне привез письмо от Наследника. Он говорил, говорил, но из всего я только поняла, что уже кто-то распустил сплетню.

Понедельник, 23 марта

С утра у меня было предчувствие, что вечером ко мне придет Цесаревич, и потому весь день я ожидала с нетерпением письма. Наконец в 8-м часу вечера я получила письмо, в котором Цесаревич действительно сообщил, что придет ко мне в 11 часов. Я так обрадовалась, получив такое известие! Но только приходилось еще ждать почти три часа!! Подумаешь, сколько времени ждала, 2 года, а теперь только три часа, и уже кажется много.

Цесаревич приехал в 12-м часу, не снимая пальто, вошел ко мне в комнату, где мы поздоровались и... первый раз поцеловались. Цесаревич мне привез свои карточки, из которых одна мне очень понравилась. Он снимался в Японии, в штатском. Я получила от Цесаревича подарок, чудный браслет.

Сегодня 23-е число, ровно два года, как был школьный спектакль, на котором я узнала Цесаревича и так сильно им увлеклась. Первый раз в жизни я провела такой чудный вечер! Вернее, ночь: Цесаревич был с 11 1/2 до 4 1/2 утра, и так быстро пролетели для меня эти часы.

Мы много говорили. Я и сегодня не пустила Цесаревича в спальню, и он меня ужасно насмешил, когда сказал, что если я боюсь с ним идти туда, то он пойдет один!

Сначала, как он пришел, мне было очень неловко говорить с ним на «ты». Я все путалась: «ты», «вы», «вы», «ты» – и так все время! У него такие чудные глаза, что я просто с ума схожу! Цесаревич уехал, когда уже стало рассветать. На прощание мы несколько раз поцеловались. Когда он уехал, у меня больно сжалось сердце! Ах, мое счастье так шатко! Я всегда должна думать, что, может, вижу его в последний раз!

Среда, 25 марта

Цесаревич днем мне прислал письмо. Он написал, что будет у меня в 9 часов. Я совсем не ожидала, что он приедет опять ко мне так скоро, и потому была еще более обрадована. Сегодня он был недолго, только до 11 часов, затем он поехал на Конногвардейский ужин.

Мы оставались одни. Цесаревич привез мне еще свои карточки в костюме Евгения Онегина, прелестные! Он сказал, что со мной хочет познакомиться С. М. (великий князь Сергей Михайлович. – Б. С.), и что он ко мне приедет. Это мне очень приятно! Цесаревич так возился, что даже оборвал у венгерки (короткой гусарской куртки, отделанной шнурами на груди. – Б. С.) костылёк (застежку. – Б. С.). Он принужден был ее снять, чтобы я отдала пришить. Ему было очень стыдно без венгерки, ну это только сначала, потом он не станет стесняться.

Я буду теперь звать Цесаревича «Ники», его так зовут дома. Завтра я опять его увижу в Михайловском манеже. Он обещал во время антракта остаться в ложе и после *сopсоurs* (конкура, конных соревнований. – Б. С.) поехать кататься. Мы сговорились, на каких улицах нам встречаться.

Четверг, 26 марта

Ники уже был в ложе, когда я приехала в манеж. Мы оба не решались посмотреть друг на друга так близко в присутствии столь многочисленной публики. Ники мне прислал с Котляревским чудный букет, одни розы! Какое внимание!

Воскресенье, 29 марта

[В манеже] Ники на кого-то очень долго смотрел в бинокль, и меня это рассердило, так что потом, когда он навел бинокль на меня, я отвернулась.

Письмо (дата не указана)

Дорогой Ники! Меня еще кое-что опечалило: на кого ты в манеже смотрел так долго направо в бинокль? Я думаю, ты заметил, что после того, когда ты на меня посмотрел, я отвернулась? Но я не знаю, понял ли ты, отчего я это сделала? благодарю тебя за чудный букет. Твое внимание очень меня тронуло! Ты так ко мне внимателен, и твое обращение со мной так мило, что я, право, не знаю, чем я могу выразить тебе мою благодарность! Мне ужасно скучно, когда я тебя не вижу, время тянется тогда бесконечно!

С каждым днем, дорогой Ники, моя любовь к тебе становится сильнее! Как бы я хотела, чтобы ты так меня любил, как люблю я тебя. Прости, Ники, но я не верю, что ты меня любишь. Может быть, я ошибаюсь, но вернее, что нет. Ведь всегда так бывает: то, чего добиваешься, кажется несбыточным, и если начинает сбываться, то все кажется, что это лишь обман.

Мне ужасно нравятся твои карточки в костюме Онегина. Так и хочется тебя поцеловать. Мне очень много нужно тебя спросить и тебе рассказать. целую тебя крепко и, как ты любишь, троекратно. Как долго ждать,

чтобы исполнить это на деле! Жду письма. Твоя.

Суббота, 4 апреля

Наконец я дождалась от Ники письма. Такой, право, лентяй! Мог бы на Страстной неделе писать чаще! А я ему три дня кряду письма отсылала.

Воскресенье, 5 апреля

Первый день Пасхи. Утром получила письмо от Ники, вечером в 10-м часу он приехал ко мне и был до 2-го часа. Мы были весь вечер одни.

Первый раз Ники был сегодня у меня в спальне. Ему она очень понравилась и мое платье. Мне было очень приятно, что Ники обратил на него внимание. Я провела вечер прелестно. Мы много болтали и вспоминали прошлое.

Письмо (дата не указана)

Дорогой Ники! Я очень была счастлива видеть тебя у меня в воскресенье, тем более, что я совсем на это не надеялась. Знаешь, Ники, каждый раз, когда ты уходишь от меня, у меня больно сжимается сердце. Так грустно с тобой расставаться.

Завтра, в среду, я танцевать в «Фаусте» не буду. В пятницу опять идет «Фауст», и я думаю в пятницу тоже не танцевать: мне не хочется раньше воскресенья.

Впрочем, если ты поедешь в театр, то я буду танцевать. Напиши мне тотчас же ответ: будешь или нет [в театре]? Все же лучше бы, если бы ты приехал в пятницу ко мне. Ты мне говорил, что уезжаешь в Данию 9 мая, но на сколько времени, я тебя не спросила, а мне это очень интересно знать. Я все забываю тебе написать: у меня новый поклонник – Пика Г. (Голицын. – Б. С.). Он мне нравится, он хорошенький мальчик.

Суббота, 11 апреля

Вечером он (наследник. – Авт.) приехал ко мне после цирка. Сегодня ровно месяц, как Ники был у меня первый раз. Ники обещал завтра приехать непременно в балет и прийти на сцену. Я его очень просила не подавать руки Марии Петипа. Я ее ненавижу, противную сплетницу!

Ники был у меня довольно долго, он хотел еще остаться, но боялся, так как он теперь живет с Рара (императором Александром III. – Б. С.) в Зимнем дворце, куда возвращаться очень поздно опасно, там все шпионы.

Вторник, 14 апреля

Вечер я провела с Ники вдвоем. Ники опять понравилось мое платье! Мне ужасно нравится, что он обращает внимание на туалет, это так хорошо, когда

мужчины понимают в этом толк. Ники был у меня до 5-го часа.

На полях дневника:

«Хотела бы ты выйти за меня замуж?» И когда ответила, что невозможно, и я никогда не хочу, Ники спросил: «Так лучше?».

«Не зло победит зло, а только любовь». (Николай II)

На некоторые фразы он делал ударения. Так, например: «Только то и дорого, и хорошо, что почти невозможно». Умная женщина, когда за что возьмется, то всегда счастливо доведет до конца и... Только поцелуй беззвучно жил и длился.

Четверг, 16 апреля

Вечером я танцевала в опере «Пиковая дама». После оперы Ники приехал ко мне. Он сказал остальным, что заказал поезд к 11 1/2, а между тем приехал ко мне. Я ему сегодня очень понравилась в белом парике. Ники был у меня почти до 1 часа, несмотря на то, что он заказал поезд.

Понедельник, 20 апреля

Ники приехал ко мне в 12 1/2 часов ночи, после какого-то спектакля. З. (барон Александр Зедделер. – Б. С.) был у нас, и мы дули шампузен. Когда Ники уезжал от меня, было 6 часов, и уже светило солнышко. Завтра он приедет ко мне опять. Мы, кроме того, сговорились встретиться еще на улице. Он сказал, что выйдет из дворца в 12 ч. 55 м.

Воскресенье, 26 апреля

Я с нетерпением ожидала вечера, чтобы увидеть Ники. Я приехала в театр к началу балета, хотя танцевала только в конце. В первом же антракте я посмотрела на него в дырочку занавеси. Ники мне показал руками, что пройдет на сцену в третьем антракте. В следующем антракте я опять смотрела в дырочку и потом пошла одеваться. У меня был собственный костюм, очень хорошенький, все для Ники.

В третьем антракте Ники пришел с А. М. (великим князем Александром Михайловичем. – Б. С.) на сцену. Я стояла на середине, и он подошел к Марии Петипа, которая стояла ближе, что меня ужасно обозлило! Ведь я так просила никогда с ней не разговаривать, а он, как назло, подошел к ней и говорил с ней довольно долго. Я даже собиралась уже уйти со сцены, но в это время он подошел ко мне, и какой глупый разговор мы вели! А ведь надо же все держать в тайне, ничего не поделаешь.

Вторник, 28 апреля

Ники мне привез брошку, но я не взяла. Я от него ничего не хочу, только бы он меня любил. Я хочу сохранить чистое, святое к нему чувство, не оскверняя его никакими материальными выгодами.

Ники уехал от меня не поздно, до угла дошел пешком. Ники всегда оставляет лошадь где-нибудь по-

дальше, так безопаснее.

Среда, 29 апреля

Опять был у меня Ники, но зато последний раз. Больше приехать ему не удастся, так как завтра в 8 часов утра он выступает в лагерь, потом пробудет несколько дней в Гатчине, потом опять в Красное Село и, наконец, 9-го уедет в Данию, откуда вернется только в июне. Увидимся мы не раньше июля, когда начнутся красносельские спектакли. Я ждала Ники на балконе и увидела его еще издали. Он приехал ко мне в 11 1/2 часов прямо с вокзала. Проходя через улицу, он мне поклонился. Я сама ему отворила дверь.

Ники был у меня до утра, он уехал только в 7-м часу. Бедный, ему и не выспаться, завтра в 8 часов уже надо выступать в Красное. Как грустно было прощаться на целых два месяца! Мы крепко несколько раз поцеловались, и я умоляла Ники меня не забывать.

Письмо, 2 мая

Милый, дорогой Ники! Я никак не могу примириться с мыслью, что я тебя не увижу два месяца.

Я все время вспоминаю последний вечер, проведенный с тобой, когда ты, милый Ники, лежал у меня на диване. Я тобою все время любовалась, ты так мне был в ту минуту дорог, и так страшно я тебя рев-

новала к той, которая скоро будет иметь право тебя осыпать своими ласками (имеется в виду Алиса Гессенская, будущая императрица Александра Федоровна. – Б. С.). Но помни, Ники, что никто тебя не полюбит так, как я.

Скажи мне, Ники, когда Ты женишься, ты совсем забудешь твою Панни? [зачеркнуто: или хотя изредка вспоминать о моем существовании? Невозможного я никогда не буду требовать!] Я хочу знать это теперь, [когда] ты не боялся сказать правду. Если да, то надо теперь же все кончить.

Я много, много передумала в эти три дня и чувствую, что могу принадлежать только тебе. Теперь прощай, мой дорогой, милый Ники. Не забывай горячо любящую тебя твою Панни. (В одной из самых первых своих записок к Матильде Николай весьма многозначительно вспоминал героев: любовь Андрия к польской панночке из гоголевского «Тараса Бульбы». Фотография, подаренная Цесаревичем Кшесинской, была подписана: «Моей дорогой пани». – Б. С.)

На полях:

У меня было такое страстное желание быть всегда, всегда с тобою. К этому желанию присоединилась и страшная ревность к той.....

Среда, 20 мая

Брат привез мне из города письмо от Ники, которое он прислал из Дании, и я была очень счастлива! Я в Данию ему писать не буду, мне кажется, что писать туда опасно.

Понедельник, 6 июля

Наконец настал день, который я ожидала с таким нетерпением. Я не верила даже утром, когда встала, что сегодня поеду в Красное и увижу моего незабвенного Ники.

Во втором антракте ко мне пришел в уборную В.А. (великий князь Владимир Александрович. – Б. С.) вместе с Ники. В. А. спросил про мое здоровье и, что-то пробормотав, вышел из уборной, оставив Ники и меня. Я отлично знала, что В. А. пришел лишь затем, чтобы привести Ники, и мысленно его благодарила.

Едва В.А. вышел, как тотчас же замок щелкнул, и только тогда я могла поцеловать моего Ники. Разговор, конечно, не клеился, произносились какие-то бессвязные слова, да это и понятно после двухмесячной разлуки. Ники немного изменился, стал носить бороду, пока, конечно, совсем маленькую.

Письмо 7 июля

...Ники, дорогой, умоляю, приходи ко мне в четверг

в уборную в первом антракте. Я нарочно немного отворю дверь уборной, чтобы тебе удобнее пройти. Вчера я от восторга почти с тобой не говорила.

Мне кто-то сказал, что ты будто бы не будешь в четверг в театре. Я не верю, быть не может, я думаю, что ты не захочешь меня так огорчить. В четверг я буду хорошо танцевать, а затем у меня будет прехорошенький кустюм (так в оригинале. – Авт.), и надеюсь, что тебе понравлюсь. Тебя крепко целует страстно и безумно любящая тебя твоя Панни.

Письмо 10 июля

Мой дорогой Ники! После вчерашнего вечера я совсем потеряла голову! В тебе есть что-то особенное, что производит на меня слишком сильное впечатление. Ужасно только грустно бывает после спектакля, когда приходится разлучаться опять на несколько дней, да и наши свидания бывают теперь так непродолжительны, и я бы хотела много сказать!

Тебе интересно узнать, от кого я получила в первый спектакль цветы. Я тебе скажу в понедельник. Вчера же корзина была от Р. Он сильно за мной ухаживает и уверяет, что не на шутку в меня влюблен. Но, пожалуйста, не бойся, тут ничего нет опасного. Я надеюсь, что ты уже меня довольно хорошо узнал?

Мне ничего ни от кого не нужно, только бы меня Ники любил и так же сильно, как я его! Теперь будь смелый и приходи ко мне в каждом антракте, а то мало приходится говорить. Приведи с собою хоть раз Сергея (великого князя Сергея Михайловича. – Б. С.), он, право, такой хороший, бедовый, я страшно таких люблю!

Письмо 16 июля

Дорогой, милый Ники! Как тяжело, как ужасно так жить. Мне этого не перенести, это невозможно, это сверх моих сил.

Два месяца разлуки с тобой, которые мне предстоят, меня пугают и в то же время радуют: будет хоть конец плохой, но все же какой-нибудь. Тогда прощай, Ники, лучше умереть. Прости, Ники, но мне не верится, что твое чувство ко мне столь же серьезно, как и мое к тебе. Я все принимаю твою страсть за простое увлечение, и это так больно.

Матильда Кшесинская с братом Иосифом и сест-

рой Юлией. 1890-е гг.

Я радуюсь, что ты начинаешь испытывать ревность. Мне это только приятно. Но ты только пишешь об этом, на самом деле я этого не замечаю. Сегодня даже ты меня страшно обидел, когда посоветовал ехать с Р. за границу. Я чуть-чуть не заплакала, но удержалась и даже вовсе от тебя скрыла.

Да, Ники, какая уж здесь после того ревность? Это очень, очень больно! А я тебе не раз говорила, что для тебя пожертвовала бы всем, и теперь скорее, чем когда-либо, я бросила бы для тебя все самое для меня дорогое.

Понедельник, 23 марта 1892 г.

Я сегодня его ужасно изводила всеми теми, которые, по слухам, ему нравились. И конечно, большею частью эти слухи оказались неверными, впрочем, может быть, он не хотел мне сознаться. Но только какая цель ему скрывать от меня?

Вторник, 21 апреля

Кроме Ники и З. (барона Александра Зедделера. — Б.С.), он смотрел портрет Ники, который я рисовала, и не хотел верить, что это моя работа.

Ники оставался еще долго после его ухода. Я чита-

ла его дневник, [который] он привез с собой. В дневнике меня очень заинтересовал один день, это 1 апреля, где он пишет про Алису Г. (Алису Гессенскую. – Б. С.) и про меня. Алиса ему очень нравится, он говорил мне уже об этом раньше, и я серьезно начинаю его к ней ревновать.

Письмо 28 июля

Дорогой, милый Ники! В понедельник, 3-го [будет] французский спектакль, и я радуюсь, что ты не можешь быть в театре: я тебя ужасно ко всем ревную!

Письмо 3 августа

Твое последнее письмо произвело на меня сильное впечатление. Я теперь начинаю верить, Ники, что ты меня любишь. Но я все думаю о твоей свадьбе. Ты сам сказал, что до свадьбы ты мой, а потом..... Ники, ты думаешь мне легко это было услышать? Если бы ты знал, Ники, как я тебя ревную к А. (Алисе Гессенской – Б. С.), ведь ты ее любишь? Но она тебя, Ники, никогда не будет любить, как любит тебя твоя маленькая Панни! Целую тебя горячо и страстно. Вся твоя.

Письмо 6 августа

Дорогой, милый Ники! Вчера, когда я с тобой прощалась, я готова была разрыдаться. Ах! Ники, как

я тебя сильно люблю. Дорогой мой, люби меня, я так страшно боюсь, что в эти месяцы разлуки твоя страсть охладает. Ах, в каком я ужасном отчаянии, что со мной будет? Только бы хватило сил перенести разлуку! Поблагодари С.М. (великого князя Сергея Михайловича. – Б. С.) еще раз, что передал тебе письмо. Я думала, что он мне [в этом] откажет. Не сердись, что я пишу опять о нем, я тебя уверяю, что ничего опасного нет. Прощай, мой дорогой, мой прелестный Ники, до ноября. Навсегда твоя.

Письмо 10 августа

Дорогой мой Ники! Теперь я немного успокоилась, перестала плакать, но мной овладела тихая грусть. Я хочу скорей уехать за границу, там для меня все ново, и я немного развлекусь. Ники, подумай, как было бы хорошо, если бы исполнился твой сон, который ты мне рассказывал. Как дивно было бы нам встретиться в Париже! Мой милый, я тебя нисколько не обвиняю, что ты меня отпустил в последний раз в Красном поле после прогулки одну. Как мог ты иначе поступить?

Ники, зачем ты говоришь, что будешь с отчаяния пить? В этом плохое утешение, после всегда бывает тяжелее. Не делай, Ники, этого, я прошу. О, Ники, дорогой, как я желаю скорее быть Твоею, только тогда я буду совершенно спокойна. Я страшно томлюсь, мой

дорогой. И тебе, и мне давно пора... Я Тебя не понимаю, ты... с... мною одною (в дневнике именно много-точия. – Авт.), а когда женишься, может быть, не скоро, но все же тогда будет другая, или ты это не считаешь?

Только бы ты женился не на А. Ей я ни за что тебя не отдам, а то или она, или я. Ты, верно, изводишься, что я постоянно пишу и говорю о твоём браке, но представь себя на моем месте, и ты поймешь, как он должен меня тревожить.

Письмо 16 августа

Меня, Ники, ужасно беспокоит, что по городу, действительно, стали ходить слухи, что я тебе нравлюсь! Ничего, право, нельзя скрыть, и кому какое до этого дело? Эти слухи меня ужасно раздражают и пугают. Я ужасно, Ники, боюсь, что тебе будут из-за меня неприятности, да и себя мне жаль, ведь я так еще молода, у меня все впереди и вдруг...

Ники, дорогой, тогда мы никогда больше не увидимся! Ах, Ники, Ники, как я боюсь! Надо кончать письмо, так как его берет с собой сестра Юля. Я все посылаю тебе письма из города, отсюда опасно.

Суббота, 14 ноября

Какой страшный удар! Ники теперь на Кавказе.

Ходят слухи, что он поехал туда спасти брата (великого князя Георгия Александровича, больного туберкулезом. – Б. С.), который там сильно увлекся какой-то грузинкой, и будто Ники, увидев ее, тоже в нее влюбился. Я сначала не хотела верить. Нет, этого быть не может, это был бы жестокий удар, Ники не такой, нет, нет!

Письмо 14 ноября

Дорогой, незабвенный Ники! До меня дошли ужасные слухи, я в полном отчаянии и не хочу верить тому, что мне сказали. Не хочу, и в то же время предчувствие мне говорит, что ты, Ники, изменил твоей Панны. Конечно, Ники, ты понимаешь, что я говорю про твое сильное увлечение какой-то грузинкой.

И могла ли ожидать, что меня ожидает такой сильный удар и в то время, когда я больше всего надеялась, что скоро исполнится моя заветная мечта? Вспомни, что ты сам в одном из последних писем сказал мне, что я тебя оскорбляю тем, что не верю [тебе].

Если, Ники, я узнаю, что эти слухи верны, даю тебе слово: я не задумаюсь, чтобы с собой покончить. Быть может, Ники, когда ты вернешься сюда, меня уже не будет. Пожалеешь, Ники, не раз, вспомнишь тогда о твоей Панны, поймешь, что Панны умела любить, но

будет поздно. Прощай...

Воскресенье, 15 ноября

Я пошла в церковь, горячо молилась, и как будто мне стало легче, но по возвращении домой все, каждая вещь мне напоминала моего дорогого Ники, и я опять заплакала. Итак, я страшно страдала, но какова была моя радость, когда я, сообщив Але (Александру Зедделеру. – Б. С.) о посылке письма (наследнику. – Б. С.), заметила его удивление и затем услышала его признание, что все, что он мне сказал про Ники, одна выдумка, что он просто хотел меня испытать и теперь видит, что я действительно люблю Ники.

Воскресенье, 22 ноября

Я догадалась, что С. (великий князь Сергей Михайлович. – Б. С.) не прочь был бы за мной поухаживать, если бы не Ники.

Сергей своими взглядами извел меня вконец, и скажу откровенно, что после сегодняшнего раза он мне еще более понравился, ужасно люблю таких бедовых, это моя слабость.

Среда, 16 декабря

Я с Сергеем кокетничала. Сергей начинает заметно поддаваться, еще немного, и будет то, что я добива-

юсь. Я пила много, в особенности коньяка, но, как и всегда, я оставалась совершенно нормальной.

Пятница, 18 декабря

Много мне сегодня пришлось болтать с Сергеем и еще раз удостовериться, что дело идет на лад. Право, не знаю, не понимаю себя. Сергей даже не красив, а между тем мне очень нравится.

Великий князь Сергей Михайлович (1869–1918) – пятый из шести сыновей великого князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны, внук Николая I; генерал-адъютант (1908), генерал от артиллерии (1914), полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном Главнокомандующем (1916–1917), член Совета государственной обороны (1905–1908)

Понедельник, 4 января [1893 г.]

По обыкновению я ждала вечером Ники, но, прождав до 12 часов, решила, что он уже не приедет, и хотела идти спать. Вдруг в 12 1/4 часов раздался звонок.

Я открыла дверь и увидела Ники и Сандро (великого князя Александра Михайловича. – Б. С.).

Я не верила своим глазам, я так была счастлива в ту минуту, хотела броситься на шею, но удержала себя, неловко было при Сандро, и далее даже сухо поздоровалась с Ники после столь долгой разлуки.

Меня немного злило, что Ники первый раз приехал не один, да и сначала я немного дулась на Ники все за то письмо и еще кое за что. Сандро даже удивлялся, что я так мало радуюсь, и говорил, что Ники был так счастлив, когда ехал ко мне.

Когда Ники смотрел мои карточки, я стояла совсем близко, и он так на меня посмотрел, что я неволь-

но смутилась, увидев столь пристальный взгляд этих очаровательных глаз. Сандро уехал раньше Ники, и не скрою, что я была рада остаться с Ники наедине.

Бывшее между мной и Ники недоразумение разъяснилось. Он признал себя виноватым, как оно и следовало, и в конце концов я перестала дуться, но вообще была сегодня сдержанна. Я Ники нарочно сказала сегодня, что в посту еду танцевать в Милан на три месяца. Ники не поверил сначала, а потом сказал, что меня не пустит.

А когда я попросила его отпустить меня на 1-ю и 2-ю неделю поста в Париж, ссылаясь на то, что он на 1-й неделе будет говеть, Ники сказал, что на 1-й неделе он действительно будет отмаливаться, но на 2-й неделе надо будет уже прималиваться.

Это очень остроумно сказано. Ники жалел, что я не догадалась приехать в Абас-Туман (местожительство великого князя Георгия Александровича. – Б. С.), где мы могли бы видеться каждый день без всякой опасности.

Говорили много, но о главном ни слова, и меня мучило, что Ники не начал об этом разговора. Может быть, сразу не хотел?

Среда, 6 января

Вечером приехал Ники с Сергеем (великим князем

Сергеем Михайловичем. — Б. С.), и затем Г.М. (великий князь Георгий Михайлович. — Б. С.). Я все время кокетничала с Сергеем, во-первых, оттого, чтобы хорошенько известить Ники, на которого положительно ничего не действует, а во-вторых, я стесняюсь вести себя с Ники в присутствии Сергея как всегда. Ники тоже меня извел, но, к сожалению, неумышленно, и именно тем, что слишком много говорил с Юлей. Мне удалось его уговорить приехать ко мне в пятницу, и надеюсь, что на этот раз он приедет один.

Пятница, 8 января

Сегодня у меня была в театре репетиция, где я видела Фигнера (известного оперного певца. — Б. С.) и узнала от него, что вовсе не подозревала. Разговор касался Царя, и между прочим он сказал про М. (Михайловичей, великих князей, сыновей великого князя Михаила Николаевича. — Б. С.), что ему передавали, будто они за Ники следят. Мне показалось это невероятным, однако же я решила этого не оставлять без внимания и сегодня же как-нибудь выпытать от Ники.

Ники приехал ко мне в 1-м часу ночи из Преображенского полка, где он обедал. Аля З. (Александр Зедделер. — Б. С.) приехал к нам оттуда же, но немного раньше Ники. Я немного рассердилась на Ники, что он так долго сидел в полку, и вообще не совсем была

в дух.

Мы вчетвером – четвертая Юля – дули шампузен, который привез с собой Аля, и Ники сильно опьянел, Аля тоже. Я же, хотя и выпила довольно, была совершенно трезвая и твердо решила сегодня же поговорить с Ники о будущем.

Первый раз, когда мы остались вдвоем в комнате, Ники я не узнала – так он был ласков. Но когда нам пришлось остаться наедине вторично, между нами произошел крайне тяжелый разговор.

Этот разговор продолжался более часа. Я готова была разрыдаться, Ники меня поразил. Передо мною сидел не влюбленный в меня, а какой-то нерешительный, не понимающий блаженства любви.

Летом он сам неоднократно в письмах и в разговоре напоминал насчет более близкого знакомства, а теперь вдруг говорил совершенно обратное, что не может быть у меня первым, что это будет его мучить всю жизнь, что если бы я уже была не невинна, тогда бы он, не задумываясь, со мной сошелся, и много другого говорил он в этот раз.

Но каково мне было это слушать, тем более, что я не дура и понимала, что Ники говорил не совсем чистосердечно. Он не может быть первым! Смешно! Разве человек, который действительно любит страстно, станет так говорить? Конечно, нет.

Он боится просто быть тогда связанным со мной на всю жизнь, раз он первый будет у меня. И как же я удивилась, когда узнала от Ники, что все это вдалбливает ему в голову Сандро. Тогда невольно мне вспомнилось, что сказал Фигнер, и со слов Ники я поняла, что Фигнер не врет.

Однако, хотя я и была в отчаянии, я не теряла надежды и Ники убеждала, чтобы он не слушал М., а следовал советам В.А. (великого князя Владимира Александровича. – Б. С.) и Н.Н. (великого князя Николая Николаевича младшего. – Авт.), из которых первый, как сказал сам Ники, думал, напротив, что несогласие последует с моей стороны.

В конце концов мне удалось почти убедить Ники, он ответил «пора», – слово, которое производит необъяснимое действие на меня, когда оно им произносится. Он обещал, что это совершится через неделю, как только он вернется из Берлина. Однако я не успокоилась, я знала, что Ники мог это сказать, чтобы только отвязаться, и когда он уехал (было 4 часа), я была в страшном горе, я была близка к умопомешательству и даже хотела... Нет, нет, не надо здесь этого писать, пусть это будет тайна. Все же я поставлю на своем, сколько бы мне то трудов ни стоило!

Вторник, 12 января

Я репетировала в училище балет «Спящая красавица». После репетиции я пошла к И.И. Рюмину (директору Петербургского театрального училища. – Б. С.), который просил меня зайти к нему. И.И. предупредил меня, чтобы я была осторожнее, так как многие знают про мое знакомство с Ники.

Среда, 13 января

Всю эту неделю я решила ложиться рано спать, чтобы приберечь силы к воскресенью.

Пятница, 15 января

Сандро остался у меня почти до 2 1/2 часов, и мы вели очень серьезный разговор относительно Ники.

Если Ники будет медлить, а подобные разговоры наедине, как сегодня, будут часто происходить между Сандро и мной, то ничего нет удивительного, если наши отношения примут иной характер. Сандро замечательно красив, да и это бы еще ничего, но он слегка проговорился и дал понять, что я ему нравлюсь. Достаточно для женщины это услышать от мужчины, и даже от такого, к которому совершенно она равнодушна, чтобы она сей час стала с ним кокетничать. Следовательно, понятно, каким образом подействовали на меня слова Сандро, и как я к нему теперь буду относиться.

Теперь, когда я была с Сандро вдвоем, я сказала, что отлично знаю, что они все трое следят за Ники, и какие он дает Ники советы.

Сандро стал доказывать, что связь между Ники и мной невозможна, что Ники не должен быть связан на всю жизнь ни с кем. Он приводил всевозможные доводы по этому вопросу, но меня не убедил.

Я тоже, в свою очередь, говорила многое, чтобы его убедить, как он ошибается. Но Сандро тоже не соглашался, и только на все мои доводы ответил, что это несчастье, что Ники попал на такую умную как я. Будь дура, все можно было бы сделать.

Сандро сказал, что так как он друг Ники, то он считает долгом давать Ники советы, которые, по его мнению, могут принести Ники только пользу. Сандро будет все делать, чтобы не допустить Ники до связи со мной.

И когда я стала умолять не делать этого, он сказал, что не может иначе поступить, тогда его будет мучить совесть впоследствии, а тем более, что он уверен, что все же победу одержу я. И этого было вполне достаточно, чтобы я заметила, что Сандро на самом деле убежден моими доводами, но только не хочет в этом сознаться.

Правда, Сандро сказал, что у него есть средство прекратить окончательно все между мной и Ники, то

есть все рассказать его родителям. Но этого, Сандро сказал, ни он, ни его братья никогда не сделают.

По словам Сандро, если бы родители Ники узнали от кого-нибудь обо всем, то больше всего бы пострадали от того, во-первых, Ники, а затем они трое.

Но и после того, как бы им страшно ни попало, Сандро сказал, они бы не перестали ко мне ездить. При этом Сандро, хотя и будет теперь со мной воевать, сказал, что если бы мне все же удалось поставить на своем, он был бы и тогда моим другом.

И так наш разговор тянулся долго, и были затронуты такие вопросы, что если был бы тут третий, то, верно, был бы сконфужен. Сандро уговаривал еще меня поехать в Чикаго, он тоже туда поедет в марте. Сандро будет у меня в воскресенье, мы решили оба подумать и в воскресенье поговорить опять.

Великий князь Александр Михайлович (Сандро; 1866–1933) – российский государственный и военный

деятель, четвертый сын великого князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны, внук Николая I

Воскресенье, 17 января

Состоялся мой дебют в «Спящей красавице» в роли Авроры. Я так надеялась, что Ники вернется к этому дню из Берлина и будет в театре, но, увы, он не поспел.

Сандро хотел со мной поговорить. Мы ушли в спальню, где продолжали наш разговор. Конечно, и он, и я остались при своих убеждениях, и ни он, ни я не хотели делать никакой уступки. Сандро еще настоятельнее уговаривал меня сегодня поехать в Чикаго на три месяца, и это мне ясно показывает, чего он от меня хочет.

Одну я, впрочем, обещала сделать уступку по просьбе Сандро: что, если Ники приедет ко мне в среду, я не начну первая того разговора, что был между Ники и мной в прошлую пятницу. Я Сандро упросила тоже не давать Ники до его приезда ко мне никаких советов.

Но если Ники не начнет того разговора, то я все же заставлю заговорить Ники, не начиная о том говорить первая.

Юля потом мне сказала, что когда она сидела с С. (великим князем Сергеем Михайловичем. – Б. С.), то

он сказал, что Сандро будет уговаривать, уговаривать меня, и кончится тем, [что] сам влюбится в меня.

Среда, 20 января

Днем был у нас Аля З., которого я просила передать Ники (он обедал в Преображенском полку), что я прошу его приехать ко мне после обеда. З. приехал затем в 11 1/2 часов и сказал, что Ники обещал приехать, но я напрасно прождала его до 1 часа. Меня ужасно огорчило, что Ники не приехал, он так поступает, как будто вовсе меня не любит. Но еще больнее мне было, когда Юля сказала по уходе Али, что Аля думает, что Ники остался в полку играть в бильярд. Каково – ему приятнее играть в бильярд, чем повидать меня!

Суббота, 23 января

Весь день я сегодня страшно тосковала и ждала вечера, чтобы ехать во Французский театр, где надеялась увидеть Ники.

Когда начался второй акт, в верхнюю императорскую ложу вошел Ники... Я страшно обрадовалась.

Пьеса кончилась, когда я встала и вышла из ложи. В дверях я оглянулась на Ники и заметила, что он на меня смотрит. Я надеялась, что он ко мне поедет, и потому спешила домой.

В передней я увидела его пальто, вместе с Ники

ожидали нас Сандро и Аля З. Я приехала веселая, так как была уже довольна тем, что Ники в театре много на меня смотрел, и успела себя немного уже успокоить относительно того, что Ники до сих пор ко мне не приезжал.

На этом заканчивается последняя, четвертая часть дневника М. Кшесинской.

Письмо Кшесинской к Николаю. Без даты.

Дорогой Ники! С.М. (великий князь Сергей Михайлович. – Б. С.) жестоко ошибается. Ты у меня первый и последний. Я тебе говорила неоднократно, что тебя люблю, а полюбить серьезно можно только один раз в жизни, а увлекаться – сколько угодно, это зависит от характера.

Я никогда не променяю истинную любовь на глупое увлечение. Совершенно напрасно С.М. так самоуверен. А ты, верно, обрадовался, когда он тебе это сказал, – что уже теперь нашел мне утешителя? Ну, а за эти слова прибьешь меня? Не забудь привезти в понедельник дневник. Меня он очень интересует! До скорого свидания. Целую тебя крепко, мой дорогой Ники.

Ники и Маля

(Из дневника А.В. Богданович²)

1893 год

21 февраля

Обедал Коломнин. Он говорил, что цесаревич увлечен танцовщицей Кшесинской 2-й, которой 19 лет.

Она не красивая, не грациозная, но миловидная, очень живая, вертлявая, зовут ее Матильдой. Цесаревич говорил этой «Мале» (так ее зовут), что упробил царя два года не жениться. Она всем и каждому хвалится своими отношениями с ним. (...)

2 марта

(...) Про сына вел. кн. Владимира Александровича, Андрея, говорили, что он умный мальчик, состоит «сплетником» царицы, рассказывает ей городские сплетни. (...)

² Александра Богданович – хозяйка модного салона эпохи заката Российской Империи, жена генерала Е.В. Богдановича. Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник 1896–1912 гг. М.: Новости, 1990

3 апреля

Говорил Валь про цесаревича, что за ним так следят, что он этого не замечает, но раз, выходя, он встретил полицейского, который случайно проходил по этой улице с бумагами. Цесаревич дал ему 25 руб. и сказал, чтобы он не говорил, что его видел. Тот об этом заявил в участке. Валь говорил Черевину про его похождения, тот сказал Воронцову, совещались вместе. Царю не решились все сказать, но поведали вел. кн. Алексею, который нанял возле своего дворца квартиру для двух Кшесинских (сестер), и теперь, когда цесаревич к ним ездит, для других – будто он едет к Алексею. Но царю и Алексей тоже ничего не сказал.

10 апреля

Бобриков говорил про цесаревича, что шалит, пора его женить; что написал Кшесинской, когда говел, что скоро кончит говеть, и тогда с ней «заживут генералами». Кшесинская очень заважничала с тех пор, как находится для *les bonnes grâces* (особых милостей – франц.). (...)

15 апреля

Говорят, что дети царя ужасно боятся отца. Когда у наследника временно взяли его кучера, он спросил Фредерикса, отдадут ли его ему. Фредерикс спросил,

почему он не скажет об этом царю. Наследник отвечал, что не решается: «Спросите вы». Так же было, когда уезжали в Ливадию. Фредерикс его спросил, каких лошадей ему туда отправить. Он отвечал, что не знает, едет ли он с царем, а спросить не смеет. Царица, говорят, не хочет женить сына, чтобы не было молодого царя. Цесаревича не выпускают из Ливадии, чтобы он не увлекался здесь балетом. (...)

31 мая

Мокринская рассказывала, что цесаревич ведет очень несерьезную жизнь, что про это говорят все в Петербурге. Говорила она также, что цесаревич не желает царствовать, не желает жениться, что любимец царя – третий сын, Михаил, что Георгия царь тоже не любит, что у царя ужасный характер, что оба старших брата дружно не живут, друг друга не любят.

14 сентября

Датская королева хотела устроить свадьбу наследника на Алисе Гессенской, но цесаревич не захотел, так как она на целую голову выше наследника. В Копенгагене говорили про союз между цесаревичем и дочерью графа Парижского, которые ожидались туда, но Парижский приехал один с сыном, дочь не привез. Дом, выстроенный царем в парке Фриденсборга, на-

поминает новодеревенский трактир.

22 сентября

Сегодня Валь говорил, что цесаревич тяготится жизнью в Дании, что королева датская хотела его женить на Гессенской, но он наотрез отказался, что было поводом к бурной сцене между отцом и сыном. У царя заболела голова, пошла кровь носом, и он три дня пролежал в постели. Валь слышал из верных источников, что цесаревич не хочет царствовать, отказывается, и будто царь уже наметил Михаила себе преемником, так как царица и он Георгием не довольны за его женскую связь. Цесаревич был влюблен в сестру Вильгельма Маргариту, но ему на ней не позволили жениться и выдали ее за греческого. (...)

Александра Федоровна (урожд. принцесса Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская, 1872–1918) – российская императрица, супруга Николая II (с 1894 года). Четвертая дочь великого герцога Гессенского и Рейнского Людвига IV и герцогини Алисы, дочери английской королевы Виктории.

«Желание жениться продолжалось до завтрака, а потом прошло». (Николай II)

1894 год

31 марта

В субботу уезжают в Кобург на свадьбу дочери Эдинбургской цесаревич, Владимир и Сергей с женами и Павел. Надеются, что цесаревич там посватает Алису Гессенскую. Тогда его теперешнюю страсть, Кшесинскую, надо будет удалить из Петербурга, иначе выйдет плохо.

8 апреля

Говорят, цесаревич уехал сумрачный за границу: не хочется ему жениться. Тут надвое говорят про его брак с Алисой. Боятся, что так как у Елизаветы Федоровны нет детей, то и Алиса может быть бездетна. Но жена Генриха, брата Вильгельма, тоже их сестра, а у нее есть дети, поэтому надежда, что и тут дети могут быть. Толмачев говорил, что царь не хотел пустить жену Сергея Александровича и его самого в Кобург на свадьбу, что была переписка по этому поводу, и, наконец, царь дал свое согласие. Причина этому – увлечение цесаревича Елизаветой Федоровной. Если это так, то, значит, царь не знает про проказы своего сына с Кшесинской, которые всему городу известны.

13 апреля

Вспоминали про Алису, когда она была здесь во время свадьбы своей сестры Елизаветы Федоровны. Тогда говорили, что это – невеста для цесаревича, а сестру ее, Ирену, которая замужем за Генрихом Прусским, предназначали вел. кн. Михаилу Михайловичу. Но оба вел. князя сторонились обеих сестер, не хотели и смотреть на них, не танцевали с ними. Алиса тогда была очень мила, с большими распущенными волосами. Мило очень себя держала. Про Кшесинскую говорят, что ее выслали из Петербурга, дав ей значительную сумму денег.

18 апреля

Валь говорил, что была большая сцена между царем и цесаревичем перед отъездом за границу. Сын не хотел ехать. Теперь телеграфировал, что исполняет волю царя – женится. Цесаревич сделал предложение так – спросил Алису: «Нравится ли вам Россия? Если хотите составить ее счастье – я предлагаю вам мою руку». Про невесту говорят, что она менее красива, чем Елизавета Федоровна, жена Сергея Александровича, но больше твердости характера и воли.

Про цесаревича Плеве сказал, что он очень упрям, воздействия и советов не терпит. Даже в мелочах, когда такая-то форма бумаги требует подписи «согла-

сен», он «согласен» не напишет, а напишет «разрешаю», и наоборот. Плеве не одобрил мысли Валя удалить Кшесинскую, находит, что это раздражит цесаревича, который, по мнению Плеве, не так уж ею увлечен; но следует удалить ее через год после свадьбы. Валь же против такой комбинации. Он находит, что следует дать ей денег и, ввиду весны, когда все уезжают, заставить ее уехать. За ней последуют Ратьков-Рожнов и Шубин-Поздеев, и ее утешит замужество с одним из них. Все думают, что, вернувшись в Петербург в субботу, цесаревич уже в воскресенье будет у Кшесинской, которая теперь разыгрывает роль больной, несчастной, никого не принимает, что опять его втянут туда, что он уже связан разными непотребными знакомствами. Она его называет «Коко», в семье он – «Ниса». Алексей Александрович жалеет его, что его оторвали, и первый ему поможет. У Черевина и Воронцова царь ни разу про нее не спросил, они же не смеют первые с ним заговорить. Теперь всякому страшно идти против нее, так как силы неравны – все быстро вспомнится. Цесаревич всегда может при всяком случае высказать отцу против смельчака. (...)

1895 год

18 января

(...) Вечером у Е.В. был Радциг, камердинер царя, который ездил с ним и в кругосветное путешествие. Говорил, что Кшесинская писала царю на него анонимные письма, что он их хотел ему отдать, но так как Радциг отказался их читать, велел их сжечь. Кшесинская и в Англию невесте царя писала про него письма, тоже анонимные, что он больной, чтобы за него не выходила замуж. Она даже плакала. Но затем все выяснилось, и тогда царь сказал Радцигу, что теперь верит ему, что она дрянная женщина, так как Радциг всегда просил его, чтобы он ее бросил. (...)

1896 год

2 ноября

Вчера Комаров говорил, что молодой царице после рождения дочери запрещено было быть женой царя, и что поэтому дядюшки устроили ему снова сожитительство с Кшесинской, что ширмами взят вел. кн. Сергей Михайлович, который l'amant (любовник – франц.) Кшесинской. Все это известно царице-матери, которая поэтому очень расстроена. У царя в последнее время сильные головные боли.

Селифонтов говорил, что в России, особенно между крестьянами, память Александра III нечтима; они его не любили, радуются, что он умер, что живи он – снова они были бы закрепощены, и снова бы их пороли розгами. (...)

1899 год

9 июня

Сегодня очень интересно рассказывал Н. А. Радциг (камердинер царя, который при нем с его 7-летнего возраста) про некоторые привычки царя, черты его характера и проч. Прискорбно отношение царицы-матери к сыну-царю, а особенно к молодой царице. Третьего дня, например, царица-мать приехала в Петергоф, где в настоящее время находится царь с семьей. Она посетила вел. кн. Ксению Александровну. Царь, зная, что она приехала, все время ее ожидал, во время докладов министров несколько раз справлялся, приехала ли мать, но ее все не было. Наконец царь отправил скорохода к матери узнать, будет ли она к ним, почему не приезжает. Получил ответ: потому что приглашения не получила.

Детей своих Мария Федоровна совсем не любит. Она детей никогда не ласкала. Покойный Александр III был гораздо нежнее с детьми, чем мать. Несмотря на свою суровость, бывало, царь обнимет сыновей, но мать никогда. Иногда совсем неожиданно царь заходил в спальню детей, но мать, как заведенные часы, заходила аккуратно в один и тот же час, так же, как в одно и то же время дети являлись к ней – по-

здороваться утром, поблагодарить после завтрака и обеда и проч. Радциг говорит, что он был полным хозяином в спальне наследника, никакого контроля за ним не было. Прислуга часто удивлялась в то время, что Александр III часто, входя в свой кабинет, запирает за собой дверь, через которую входила к нему только Мария Федоровна. Видно, что такой у нее характер, что царь от нее запирается, чтобы отдохнуть от ее капризов.

Молодой царь с 9-летнего возраста пишет свой дневник ежедневно. В свой дневник он все записывает подробно, ничего не утаивая. Тоже рассказал Радциг, какое тяжелое пережил время, когда, наследником, царь увлекался Кшесинской. Радцигу тяжело было смотреть, как Кшесинская и вся ее компания спаивали наследника ежедневно. Он не утерпел, высказал это наследнику и потому потерял свое место, но затем опять цесаревич взял его к себе и дал ему прочесть свой дневник, именно то место, которое касалось Кшесинской и всей той эпохи его жизни. Молодая царица, получавшая, будучи невестой, массу анонимных писем про жениха, тоже читала дневник царя. Пишет он ежедневно по вечерам, затем выпивает стакан свежего молока и идет спать. Когда цесаревич увлекался Кшесинской, царица-мать смотрела на это совершенно спокойно, находила это вполне нормаль-

ным, но весь придворный entourage (антураж, окружение – франц.), кроме вел. князей, которые помогали в этом цесаревичу, очень возмущался, что выбор пал на первоклассную танцовщицу.

Теперь у царя к ней нет более никаких чувств – он любит жену, детей, и когда он с ними, он вполне счастлив. Печалит его поведение матери, над которой при дворе все смеются. У царицы-матери невозможный характер. Теперь уже там слух, что Барятинский ей надоел. Про Гессе Радциг сказал, что он тихоня, никогда ничего не говорит, что он подсунут царю маменькой, а также и оба его другие лакеи-камердинеры – Катов и Шалберов, видно, с целью шпионства. (...)

1908 год

3 апреля

Радциг говорил, что между царем и вел. кн. Николаем Николаевичем полное охлаждение, так же как и между царицей и женой этого вел. князя Анастасией Николаевной.

Вчера Рейнбот, вернувшийся из-за границы, рассказывал, как безобразно ведут себя там русские вел. князья. Рейнбот был в Париже и в Ницце, видел в Café de Paris в Париже вел. кн. Бориса Владимировича за ужином с кокотками во время la mi-carême (четверг на третьей неделе Великого поста – франц.). Сидел с Борисом за одним столом и Кубе. Кокотки опутывали Бориса серпантинном, привязали ему к уху шар, изображающий свинью, и в таком виде он сидел в этом обществе, где крики и смех все время раздавались на весь ресторан. В Монако Рейнбот видел вел. кн. Марию Павловну за рулеткой, там же вел. кн. Алексея Александровича с Балеттой, вел. кн. Сергея Михайловича и Андрея Владимировича с Кшесинской. (...)

Великий князь Николай Николаевич (Младший), (1856–1929) – первый сын великого князя Николая Николаевича (старшего) и великой княгини Александры Петровны (урожденной принцессы Ольденбургской), внук Николая I; генерал-адъютант (1896), генерал от кавалерии (6 декабря 1900)

Встреча с тобой – самое светлое воспоминание... Из дневника Николая II³

1890 год

23 марта 1890 г.

Поехал в коляске на Елагин остров в конюшню молодых лошадей. Вернулся на новой тройке. Закусывал в восемь часов. Поехали на спектакль в театральное училище. Были небольшие пьесы и балет. Очень хорошо ужинал с воспитанницами. (...)

26 марта 1890 г.

Надеюсь, что глазок и ножка поправляются... до сих пор хожу как в чаду. Постараюсь возможно скорее приехать. Ники.

17 июня. (...)

Происходили отрядные маневры (...) Кшесин-

³ Из дневника наследника престола Николая Александровича за 1890 и 1892 годы.

ская-вторая мне положительно очень нравится. (...)

30 июня.

Красное Село. Дело на горке сильно разгорелось... Был в театре, разговаривал с Маленькой К. перед окном (ложи). (...)

1 июля. (...)

В последний раз поехал в милый Красносельский театр проститься с К. Ужинал у мама до часу. (...)

1892 год

25 марта.

Вернулся в Аничков при снеге, валившемся хлопьями. И это называется весна? Обедал с Сергеем у себя, а потом поехал навестить Кшесинских, где провел полтора приятных часа... (...)

31 марта.

Заехали на короткое время к дяде Мише... Он повел по комнатам своей покойной жены – ничего не тронуто. (...) Вернулся в Гатчину.

У меня самое непостное настроение (в это время был Великий пост. – Б. С.).

Хорошо еще в этом случае, что живу в Гатчине и в 49 верстах от столицы. (...)

1 апреля...

Весьма странное явление, которое я в себе замечаю: я никогда не думал, что два одинаковых чувства, две любви одновременно совместились в душе. Теперь уже пошел четвертый год, что я люблю Аликс Г. и постоянно лелею мысль, если Бог даст на ней когда-нибудь жениться...

А с лагеря 1890 года по сие время я страстно по-

любил (платонически) Маленькую К. Удивительная вещь, наше сердце. Вместе с этим я не перестаю думать об Аликс, право, можно было заключить после этого, что я очень влюбчив. До известной степени да! Но я должен прибавить, что внутри я строгий судья и до крайности разборчив, – вот это и есть то настроение, которое я вчера назвал непостным.

Из последнего письма Николая II Матильде Кшесинской

...Что бы со мною в жизни ни случилось, встреча с тобою останется навсегда самым светлым воспоминанием моей молодости.

О госпоже Кшесинской (Письма Императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II)

№ 97

25 июня 1915 г.

К чаю у меня был Павел, и мы много болтали. Он спрашивал, будет ли действительно Сергей уволен со своего поста, так как все против него – правильно или неправильно – и Кш. [Кшесинская] опять замешана. Она вела себя так же, как Госпожа Сух[омлинова], принимая, по-видимому, взятки и отдавая распоряжения по артиллерии. Об этом слышишь со многих сторон. Только он мне напомнил, что это должно быть твое приказание, а не Николаши, так как только ты можешь дать такое распоряжение или намекнуть, чтобы он попросил об увольнении. Великий Князь не мальчик, ты его начальство, а не Николаша – это бы очень не понравилось фамилии.

№ 192

9 января 1916 г.

Сергей, говорит, скоро едет в Ставку – по-моему, лучше не надо. Удержи его там подольше, так как он, увы, всегда сплетничает и у него такой острый критикующий язык, и его манеры перед иностранцами не очень похвальны. И потом ходят разные неясные, нечистоплотные истории про нее [Кшесинскую] и насчет взяток, об этом все говорит, и артиллерия в этом замешана.

Из дневника А.С. Суворина⁴

1893 год

8 февраля. (...)

Наследник посещает Кшесинскую и ... ее. Она живет у родителей, которые устраниются и притворяются, что ничего не знают. Он ездит к ним, даже не нанимает ей квартиры и ругает родителя, который держит его ребенком, хотя ему 25 лет. Очень неразговорчив, вообще сер, пьет коньяк и сидит у Кшесинских по 5–6 часов, так что очень скучает и жалуется на скуку. (...)

14 февраля. (...)

Наследник писал Кшесинской (она хочет принимать православие, может быть, считая возможным сделаться императрицей), что он посылает ей 3000 руб., говоря, что больше у него нет, чтобы она наняла квартиру в 5000 руб., что он приедет, и... «тогда мы заживем с тобой, как генералы». Хорошее у него представление о генералах! Он, говорят, выпросил у отца еще два года, чтобы не жениться. Он оброс бородкой

⁴ Дневник А.С. Суворина. М. – Пг.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1923.

и возмужал, но, тем не менее, маленький.

1900 год

24 февраля. (...)

Во время бенефиса Кшесинской («Матильда», «Малечка») великий князь угощал за сценой шампанским. Отец ее говорил лакеям, чтоб они откладывали бутылки и отнесли к нему. Кто-то заметил ему что-то неприятное. «Я буду жаловаться высшей театральной администрации». – «Директору театра?» – «Нет, не директору, не министру, а государю-императору!».

Среди множества подарков наследника престола Кшесинская выделяла лишь один – портрет, который

Николай Александрович вручил ей на новоселье. На своей фотографии он написал: «Моей дорогой пани».

«...Но одно поручение я все же ему не дала: принести мне спрятанную на квартире Юрьева последнюю фотографию Ники с его подписью. Покидая свой дом, я захватила с собою эту фотографию и потом положила ее в какой-то иллюстрированный журнал, который лежал на столе у Юрьева, рассчитывая, что в случае обыска там ее всего менее будут искать. Когда же я уходила из квартиры Юрьева, я эту карточку нарочно оставила, так как было бы опасно ее нести с собою».

(Матильда Кшесинская)

1902 год

23 января. (...)

В прошлое воскр. был кн. Шаховской, ругал Амфитеатрова, говорил, что погубил его, Шаховского, что «Россию» он много раз спасал, что если б он захотел найти в ней вредное направление, то его можно найти «через строку» во многих статьях. Он рассказывал, что, прочитав два столбца фельетона, нашел, что ничего нет, что это «провинциальные нравы», как сказано в заголовке, и пошел с визитами. В 5 ч. его позвал Сипягин, говорил ему, что он распустил цензоров, а Ш. отвечал, что, напротив, он так строго держит цензоров, что ни один из них не смел бы сказать ему, что в фельетоне разумеются государь и его семья.

В эти дни разговоры продолжались. Е.В. Богданович, у которого я был вчера и познакомился там с редактором «Миссионерского Обозрения», говорил, что у Сипягина говорят о том, что я чуть ли не был в заговоре с Амфитеатровым, что я дал ему 1000 р. и пригласил писать в «Нов. Вр.». Я всегда жалел и жалею, что Амфитеатров вышел из «Нов. Вр.». Что ему следовало бы побыть еще два-три года у нас и отвыкнуть от своей бестактности. Сегодня Сергеенко говорил, что летом Л.Н. Толстой, прочитав его фельетон, в

котором прозрачно была рассказана история государя и Кшесинской, сказал: «Ах, он когда-нибудь такую штуку сделает, что всех удивит. Он именно такой». (...)

Возлюбленная балерина дома Романовых (Борис Вадимович Соколов)

Мария-Матильда Кшесинская, будущая великая балерина, родилась в деревне Лигово, которая ныне находится в черте Санкт-Петербурга, в польской балетной семье. Это произошло 19 (31) августа 1872 года. Ее отец Феликс Кшесинский (1823–1905) был танцовщиком Мариинского театра и прославился исполнением мазурки. Кроме того, отец Матильды был известным балетным педагогом. Феликса Кшесинского вместе с несколькими другими танцовщиками из Варшавы в Санкт-Петербург в 1851 (по другим данным – в 1853) году выписал император Николай I, большой любитель мазурки (тогда Царство Польское было частью Российской империи). Уже в Петербурге Феликс женился на польской балерине Юлии Доминской, вдове балетного танцовщика Леде. От первого брака у нее уже было пять детей, а в браке с Феликсом родилось еще четверо: Станислав, Юлия, Иосиф-Михаил и самая младшая – Матильда-Мария. Юлия тоже стала балериной и в силу более старшего возраста именовалась в Мариинке Кшесинской 1-й, тогда как

Матильда стала Кшесинской 2-й. Юлия вышла замуж за барона Александра Логгиновича Зедделера, а после революции 1917 года жила вместе с Матильдой во Франции. Старший брат Иосиф Кшесинский тоже стал известным танцовщиком и балетмейстером.

В семье Матильды бытовала легенда, что шляхетский род Кшесинских находится в родстве с известным магнатским родом графов Красинских. Никаких документальных подтверждений эта легенда до сих пор не получила. Однако, как мы увидим далее, фамилию Красинская Матильда в конце концов получила.

Впервые на сцену Мариинки будущая первая балерина Российской империи вышла в балете «Конец-Горбунок», когда ей было лишь четыре года. В сцене подводного царства малышка в костюме русалочки должна была подойти к огромному бутаторскому чуду-юду рыбе-киту и вытащить из открытой пасти кольцо. Тогда еще ничто не предвещало всемирной славы балерины. В 1890 году Матильда окончила Императорское театральное училище, где училась у Льва Иванова, Христиана Иогансона и Екатерины Вазем. В том же году ее приняли в балетную труппу Мариинского театра.

Тогда на русской сцене тон задавали итальянские балерины. Матильда испытала сильное влияние ис-

искусства Вирджинии Цукки, о чем позднее признавалась в мемуарах: «У меня было даже сомнение в правильности выбранной мной карьеры. Не знаю, к чему это привело бы, если бы появление на нашей сцене Цукки сразу не изменило бы моего настроения, открыв мне смысл и значение нашего искусства». На выпускном спектакле 23 марта 1890 года 17-летняя Матильда блестяще исполнила танец Лизы из балета «Тщетная предосторожность», того самого балета, в котором она впервые увидела Цукки. Влиятельный балетный критик Александр Плещеев, сын поэта Алексея Плещеева, уже тогда высоко оценил исполнение Матильды. Он писал: «Госпожа Кшесинская в па-де-де из “Тщетной предосторожности” произвела самое благоприятное впечатление. Грациозная, хорошенькая, с веселою детской улыбкою, она обнаружила серьезные хореографические способности в довольно обработанной форме: у госпожи Кшесинской твердый носок, на котором она со смелостью, достойной опытной балерины, делала модные двойные круги. Наконец, что опять поразило меня в молодой дебютантке, это безупречная верность движения и красота стиля».

Подчеркну, эта восторженная рецензия появилась задолго до того, как начался роман Матильды с наследником престола, и до ее знакомства с великими

князьями. В данном случае знаменитому критику не приходилось лукавить душой, чтобы угодить двору. Матильда была выдающейся балериной, и это проявилось уже в самых первых ее выступлениях. А потом, как мы увидим, ее восторженно принимала британская публика, которой и дела не была до романа балерины с императором.

На выпускном гала-концерте присутствовала царская семья во главе с императором Александром III. По традиции царю должны были представить трех лучших выпускниц балетного училища. Матильда была одной из них. «Будьте украшением и славой нашего балета», – сказал ей на торжественном ужине император. И усадил юную балерину между собой и цесаревичем Николаем. В мемуарах Матильда утверждала, что они с наследником полюбили друг друга с первого взгляда: «Когда я прощалась с Наследником, который просидел весь ужин рядом со мной, мы смотрели друг на друга не так, как при встрече. В его душу, как и в мою, уже вкралось чувство влечения, хотя мы и не отдавали себе в этом отчета».

Николай в тот день записал в дневнике: «Поехали на спектакль в театральное училище. Были небольшие пьесы и балет. Очень хорошо ужинал с воспитанницами». Матильда же в своем дневнике отметила, что «Наследник тотчас обратился ко мне и очень меня

хвалил. Он меня спросил, кончаю ли я в этом году училище, и, когда я ему ответила, что кончаю, он добавил: «И с большим успехом кончаете!». Когда Наследник заговорил с Женей, я незаметно могла его разглядывать. Он очень понравился, и затем я уже разговаривала с ним кокетливее и смелее, не как ученица». Николай же, похоже, в тот момент Матильду еще не полюбил. Но любовь к ней настигла его очень скоро. Уже 17 июня 1890 года он отметил в дневнике: «Кшесинская-вторая мне положительно очень нравится». А 30 июня записал, что «был в театре, разговаривал с Маленькой К. перед окном (ложи)». И, наконец, два года спустя, 1 апреля 1892 года, Николай сделал наиболее подробную запись, посвященную Кшесинской: «Весьма странное явление, которое я в себе замечаю: я никогда не думал, что два одинаковых чувства, две любви одновременно совместились в душе. Теперь уже пошел четвертый год, что я люблю Аликс Г. и постоянно лелею мысль, если Бог даст на ней когда-нибудь жениться... А с лагеря 1890 года по сие время я страстно полюбил (платонически) Маленькую К. Удивительная вещь, наше сердце. Вместе с этим я не перестаю думать об Аликс, право, можно было заключить после этого, что я очень влюбчив. До известной степени да! Но я должен прибавить, что внутри я строгий судья и до крайности разборчив...».

Для Матильды это была первая любовь. А для Николая – уже вторая. Первой стала платоническая влюбленность в Алису Гессенскую.

Николай II с женой Александрой Федоровной.

«Лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы». (Николай II)

Существует версия, впрочем, не имеющая никакого документального подтверждения, что встреча Николая с Матильдой не была случайностью, а была тщательно подготовлена царской семьей. Будто бы юную балерину наследнику, что называется, «подложили», чтобы отвести его от уже проявившейся к тому времени влюбленности в принцессу Алису Гессенскую, будущую императрицу Александру Федоровну. Родители наследника в тот момент считали ее неподходящей партией, но позднее переменили свое мнение. По другой версии, Кшесинскую, балерину и дворянку, пусть и не знатную, выбрали для того, чтобы повзрослевший наследник не начал свою сексуальную жизнь вообще с какой-нибудь девушкой из простонародья, а то и с какой-либо из представительниц древнейшей профессии.

Обе эти версии, выставляющие августейших особ в роли банальных сводников, представляются мне неубедительными. Царская семья при всем желании не могла заранее знать, на какую именно балерину обратит свое внимание наследник, равно как и то, что ему вообще приглянется какая-нибудь из них. Да и предугадать, что именно Матильда Кшесинская с первого взгляда полюбит цесаревича, было никак невозможно.

Позднее Николай купил своей любовнице дом на Английском проспекте, прежде принадлежавший композитору Римскому-Корсакову. Там Матильда поселилась вместе с сестрой Юлией.

Роман с наследником, уже в начале 1893 года перешедший из платонической во вполне плотскую стадию, закономерно завершился после того, как 7 апреля 1894 года было объявлено о помолвке Николая с Алисой Гессенской. Перед свадьбой, состоявшейся, несмотря на траур по умершему Александру III, 14 (26) ноября 1894 года, немецкая принцесса была перекрещена православие и стала Александрой Федоровной. Николай сообщил супруге о своем романе с Кшесинской, как и о том, что после помолвки он прекратил с Матильдой все любовные отношения. В ответ Александра Федоровна сделала запись в его дневнике: «Сделала в дневнике Николая такую запись: «Мы все терпим искушения в этом мире и, будучи ещё молоды, не всегда можем бороться и удержаться от искушений, но, когда мы раскаиваемся, Бог прощает нас. Прости меня за эту запись, но я хочу, чтобы был совершенно уверен в моей любви к тебе, в том, что я люблю тебя ещё больше, чем до того, как ты рассказал мне этот маленький эпизод, твоё доверие тронуло меня так глубоко. Может быть, я буду достойна такого доверия. Боже, сохрани меня и тебя,

возлюбленный Ники»»).

На смену Николаю в качестве любовника Матильды пришел великий князь Сергей Михайлович, внук императора Николая I, в дальнейшем ставший генерал-инспектором артиллерии. Он был старше Матильды на три года и являлся близким другом Николая.

Много лет спустя Кшесинская писала: «Для меня было ясно, что у Наследника не было чего-то, что нужно, чтобы царствовать. Нельзя сказать, что он был бесхарактерен. Нет, у него был характер, но не было чего-то, чтобы заставить других подчиниться своей воле. Первый его импульс был всегда правильным, но он не умел настаивать на своем и очень часто уступал. Я не раз ему говорила, что он не сделан ни для царствования, ни для той роли, которую волею судеб он должен будет играть. Но никогда, конечно, я не убеждала его отказаться от Престола...». Трудно сказать, насколько Кшесинская здесь искренна. Ведь писалось все это через много десятилетий, после революции 1917 года.

Уже в первый свой сезон Кшесинская, несмотря на свой небольшой рост (157 см, почему ее и называли «маленькой Матильдой»), станцевала в двадцати двух балетах и двадцати одной опере. Возможно, такая востребованность юной балерины объяснялась

не только ее действительно незаурядным талантом, но и тем немаловажным обстоятельством, что в нее влюбился наследник престола.

Перепадали ей и серьезные партии. Матильда танцевала в балетах Мариуса Петипа и Льва Иванова, исполняя партии феи Драже в «Щелкунчике», Пахиты в одноимённом балете, Одетты-Одиллии в «Лебедином озере» и Никии в «Баядерке». Первой большой ролью Кшесинской стала партия Мариетты-Драгониаццы в итальянском балете «Калькабрино». Затем, после отъезда итальянки Карлотты Брианца на родину, к Матильде перешла роль принцессы Авроры в «Спящей красавице». К коронационным торжествам в Москве в мае 1896 года, закончившихся Ходынской катастрофой, Мариинский театр готовил парадную постановку «Жемчужины». Однако первоначально в этом балете Кшесинской вообще не предложили никакой партии. Тогда она пожаловалась великому князю Владимиру Александровичу. Дальше все разрешилось, как в волшебной сказке. Кшесинская вспоминала: «Дирекция Императорских театров получила приказ свыше, чтобы я участвовала в парадном спектакле на коронации в Москве. Моя честь была восстановлена, и я была счастлива, так как я знала, что это Ники лично для меня сделал. Дирекция своего прежнего решения не переменяла бы... Я убедилась, что

наша встреча с ним не была для него мимолетным увлечением, и он в своем благородном сердце сохранил уголок для меня на всю свою жизнь». Дирекция же убедилась, что с балериной, пользующейся августейшим покровительством, лучше не ссориться. К тому времени балет «Жемчужина» был почти полностью готов, все роли распределены и отрепетированы. Чтобы включить Кшесинскую в спектакль, композитору, итальянцу Рикардо Дриго, пришлось срочно написать новую музыкальную партию, а балетмейстеру Петипа – поставить для нее специальное па-де-де. Понятно, что ни у того, ни у другого любви к Матильде от этого не прибавилось.

В 1896 году, в возрасте всего 24 лет, Кшесинская получила статус прима-балерины императорских театров. Очевидно, здесь не обошлось без участия императора и Сергея Михайловича, так как сам Петипа был решительно против того, чтобы Матильде была оказана столь большая честь.

Став прима-балериной, Кшесинская поставила условие: она будет танцевать только три месяца в году, чтобы в остальное время быть свободной для светской жизни. Она также добилась повышения жалованья ведущим артистам Мариинки. Вместе с тем, Кшесинская всячески противодействовала приглашению в труппу иностранных балерин.

Матильда выходила на сцену, увешанная настоящими драгоценностями – бриллиантами, жемчугами, сапфирами, подаренными ей ее сановными любовниками: великими князьями Сергеем Михайловичем и Андреем Владимировичем и самим императором Николаем II.

Но Кшесинской было ясно, что ее техника отстает от виртуозной техники итальянских балерин. Тогда Матильда с 1898 года начала брать уроки у итальянского танцовщика и педагога Энрико Чекетти и довольно быстро овладела необходимыми техническими навыками. Это позволило дополнить мягкую пластику и выразительные руки, свойственные русской балетной школе, отчётливой и виртуозной техникой ног, которой в совершенстве владела итальянская школа. Благодаря этому Кшесинская первой среди русских танцовщиц исполнила на сцене 32 фуэте подряд. Ранее этим трюком удивляли русскую публику только итальянки Эмма Бессон и Пьерина Леньяни.

В 1900 году Кшесинская станцевала бенефис в честь десятилетия своего пребывания на сцене, хотя по правилам такой бенефис полагался только в честь 20-летия творческой деятельности балерины императорских театров. Но для Матильды правила были не писаны. На обеде после бенефиса Кшесинская познакомилась с великим князем Андреем Владимирови-

чем, который был на шесть лет ее моложе. Как позднее балерина утверждала в своих мемуарах, они, как и в случае с Николаем, полюбили друг друга с первого взгляда. Князь Андрей часто навещал ее на репетициях, дома и на даче в Стрельне. Осенью 1901 года любовники отправились в путешествие по Европе. Они поодиночке, чтобы соблюсти инкогнито, приехали в Венецию, а оттуда, уже не таясь, отправились в путешествие по Италии, а затем заглянули в Париж. Впрочем, их роман уже давно был секретом Полишинеля. О нем, как и о романе с великим князем Сергеем Михайловичем, знал весь светский Петербург, кроме, возможно, матери Андрея, великой княгини Марии Павловны, которая Кшесинскую недолюбливала. Уже на пути в Россию Матильда поняла, что беременна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.